

Классика в ожидании смертей и меценатов

ПЕРСОНА

«Музыкальный киоск» закрыт,
Элеонора Беляева ушла на сцену

Век. — 1996. — 26 июля — 1 авг. (№ 29). — С. 7

Почти 33 года просуществовала на нашем ТВ одна из самых популярных передач — «Музыкальный киоск». Каждое воскресенье, днем у экранов собиралась огромная зрительская аудитория. Всего за полчаса бессменная ведущая Элеонора Беляева рассказывала так много нового, что свой информационный голод утоляли почитатели и камерной, и симфонической музыки, и оперы, и балета, и оперетты, и эстрады.

Два с половиной года минуло с того дня, когда на экраны вышел последний выпуск передачи. «Киоск» закрыли, невзирая на его колоссальную популярность и авторитет ведущей.

— За годы работы на телевидении сменилось очень много начальников. Каждый новый главный редактор, вступая в должность, первым делом намеревался снять «Музыкальный киоск». К счастью, все обходилось. Наша передача всегда была самой недоурочной. Мы могли разместиться в любом уголке студии. Технические затраты были невелики. При максимуме информативности пытались сочетать в программе полезное, приятное, душевное, необходимое.

Как-то некой иностранке показывали телецентр. Зашли к нам, гостя посмотрела материалы, похвалила передачу и заметила, что у нее на родине ничего подобного быть не может: «Это слишком дорого. Много рекламы». Вскоре и мы дожили до таких времен. За все стало нужно платить. Мы рассказывали о новых книгах, журналах, музыкантах. От нас требовали брать с них деньги. А откуда редакциям, издательствам, тем более исполнителям их взять. У наших лауреатов международных конкурсов по одному приличному костюму на все случаи жизни. Однажды золотому медалисту, скрипачу Виктору Третьякову, приехавшему на съемки, оператор сказал: «Парень, смени пиджак, а то лацканы блестят». Другого пиджака у музыканта не было...

Ликвидации «Киоска» предшествовало множество штрафов «за рекламу». Мы оставались без постановочных, без премиальных, без льгот. За сюжет об организованной десятком энтузиастов фирме по выпуску отечественных струн — штраф. А для наших музыкантов проблема качественных струн всегда стояла крайне остро. Обычно их привозили по случаю из-за границы. За рассказ об уникальной баянной фабрике в Воронеже, чья продукция получила гран-при на международном конкурсе, — штраф. После череды внушительных несправедливых штрафов мы собрались и решили: раз денег нет, надо закрываться.

Я всю жизнь занималась любимым делом. Окончила Гнесинку, а попала на телевидение. Мне повезло, я прошла все этапы его развития. Начиная с черно-белого «живого» эфира без записи, без монтажа. Присутствовала на первой видеозаписи. Потом появился монтаж — пленку резали и клеили вручную. Наконец пришло цветное ТВ и потрясло. Наверное, так же, как впервые услышавших радио. Наш «Киоск» осваивал все студии Останкино. Вместе с ТВ я дожила до компьютерной эры. Не увлечясь этой фантастической техникой было нельзя.

— Появились невиданные технические возможности, но вы не захотели бороться за существование передачи в жестких финансовых условиях?

— Есть предел человеческих мечтаний и возможностей. Ведь наступает не только привыкание, но и усталость. Я устала. Устала не от трудностей, не от борьбы за существование,

а от ответственности перед зрителем. Я выдохлась, и когда возник вопрос о ликвидации передачи, это не было трагедией. Предлагали позже работать и на ТВ-6, и в программе «Под знаком «пи», но я отказалась. Это очень тяжелый труд. Большинство работающих на телевидении и радио не чувствуют той огромной аудитории, с которой общаются. Я же всегда осознавала значимость своей работы. Входя в трамвай, автобус, троллейбус, метро (никогда не ездила на машине), становилась жалобной книгой. Мне высказывали все.

— Это было похоже на звездность, популярность?

— Было ощущение тяжелой и любимой работы. Я знала свою аудиторию в лицо. Никогда не задумывалась над звездностью. Уже два с лишним года не выходит «Киоск», и я удивляюсь людям на улице, в транспорте. Они до сих пор узнают меня, совершенно непохожую на экранный образ. Узнают по голосу. У многих теплеет взгляд. Самое приятное, когда молодые мамы говорят: «А я с вами выросла». Значит, передача была доброй. Это главное. Целый год после закрытия «Киоска» боялась выходить на улицу, потому что не смогла бы объяснить причину исчезновения с экрана. Нет денег — этого бы не поняли. На мешки писем, приходивших в наш адрес, руководство не обращало внимания.

— Быть может, помимо финансового аргумента в пользу ликвидации передачи высказывалось мнение о ее несовременности и ненужности? На Западе многие уверены, что музыка на ТВ нет места, ибо ее надо слушать, а не смотреть...

— В нашей огромной стране у многих нет возможности сходить на концерт, нет проигрывателей. В глубинку не часто приезжают исполнители, там нет музыкальной жизни. У нас не Италия, где в каждом городке есть оперный театр, проводятся фестивали, подчас международные. Даже там, где есть консерватория, концертный зал, театр, россияне испытывают недостаток музыкального общения. Все-таки у нас телевидение до сих пор остается единственным окном в мир. Я не говорю о поп-музыке. Передачу, посвященную ее проявлениям, предостаточно. А вот все программы серьезной музыки, классической закрыты.

— «Киоск» и вправду был гигантским филармоническим залом...

— Скорее, манком, призванным заинтересовать. Я никогда не общалась со зрителем в назидательном, поучительном тоне. Настрой был таков: «Вы меня извините. Вы, конечно же, и так все это знаете, но позвольте я вам немного напомню». Сейчас про-

изошла полная смена поколений во всех областях жизни. Пришли новые музыканты, новые журналисты. У последних совершенно иная манера общения. Прежние «акулы пера» знали все. К их мнению прислушивались, их статьи после премьер читали с трепетом. Никакого апломба не было — только знания. Сейчас — чаще желание унижить, подковырнуть. В результате проигрывает зритель.

— «Музыкальный киоск» родился на заре отечественного телевидения и последовал его изначальной идее — идее просвещения, гармонично сочетая ее с легкостью подачи. С исчезновением вашей программы и ей подобных музыкальное просветительство исчезло с экрана. Неужели оно никому не нужно и его невозможно возродить?

— Пока у богатых не утрясется в чемоданах деньги, пока они не пресытятся ими, свободой их добычи, выездами, презентациями, ничего не изменится. Только после этого они станут попечителями, меценатами. Кто-то уже оказался на этом пути, но делает благое тихо, не афишируя. Просить помощи у государства бесполезно до тех пор, пока уровень культуры правителей определяется песнями Зыкиной и Распутиной. Раньше, в царские времена, четко разделяли искусство на дворовое и придворное. Первое не могло попасть на большую сцену.

Уже много лет в нашей стране парадоксально соседствуют смерть, трагедия и классическая музыка. Маленькая девочка однажды спросила меня: «Тетя Эля, почему надо ждать, когда кто-то умрет, чтобы услышать хорошую музыку?» Это страшно. Но есть выход, и он уже найден. В противовес ночным клубам самостоятельно создаются салоны почитателей классики.

— Исчезнув с экрана, вы спустя некоторое время появились на сцене в качестве хозяйки вечеров цикла «Мировые звезды русского балета»...

— Меня пригласил организатор цикла, президент гастрольно-концертной фирмы «Дубль В» Валерий Сергеев. Оказалось, что он задумал это еще в 1990 году. Раздобыл мои телефоны, но робел, считая меня неприступной звездой. Я ему необычайно благодарна, хотя месяца три отказывалась принять приглашение, поскольку боялась выходить на сцену. Более полутора лет не общалась с аудиторией. Пугала «живая» публика, тем более капризная балетная. Балетоманы знают все лучше энциклопедий. Если в «Киоске» я предоставляла зрителю максимум информации, то на вечерах приходится избегать собственных профессиональных оценок. Здесь я имею право лишь на цитирование безусловных авторитетов. Перед первым выходом на сцену меня буквально колотило. Валера вышел к публике, открыл цикл, представил меня хозяйкой вечеров. Я была поражена: несколько минут зал аплодировал мне стоя. Мне помогает замечательный визажист Алина Еркина. Мы работаем вместе много лет. Она создала мой имидж. Еще перед каждым выпуском «Киоска» она спрашивала: о чем передача? И в соответствии с этим моделировала мой образ. Ведь зритель встречает по одежке. Прежде мне надо было удерживать его внешностью у экрана. Теперь — в зале. Мое общение с публикой необходимо, лишь чтобы создать благоприятный климат для выступления артистов. Моя задача — сделать зал «теплым». Я воспринимаю его как одно большое лицо. Мое появление должно задать тон всего вечера. Артисты говорят, что после моего выступления легко работать.

Беседовал Антон ЧАРКИН